

Анна Урсова

Несомненная ценность

Анна Урсова

Несомненная ценность

«Автор»

2024

Урсова А.

Несомненная ценность / А. Урсова — «Автор», 2024

Ценности бывают разные. И истинно повезло тому, чьи ценности не противоречат друг другу.

© Урсова А., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Анна Урусова

Несомненная ценность

– Полечка, я понимаю, что вы только-только прибыли, ещё, наверное, и вещи не разложили. И специализация не совсем ваша...

Распорядительница орбитальной станции, высокая хорошо сложенная женщина, в своём серебристом комбинезоне похожая на валькирию древних мифов Прародительницы, вдруг осеклась. И, закусив губу, смерила взглядом сублимную, взъерошенную выпускницу Биологического Университета ЛОРМ¹.

Полина прекрасно знала, что на большую часть старших её худощавое телосложение, непослушные рыжие волосы и большие голубые глаза производят впечатление между «что ж ты, девочка, в космосе забыла» и «девочка хорошая, но как такую нагружать». И старательно вытянулась по стойке смирно, в глубине души надеясь, что её собственный комбинезон выглядит так же презентабельно, как и час назад, когда Поля выходила из межзвёздной телепортационной установки.

– Ваша специальность... – В верхней части лба Клары, у самой линии рта волос, зажётся и тут же потух белый огонёк – включился встроенный имплантат, считывающий данные с опознавательной карточки Полины и конвертирующий их в наиболее удобный для хозяина вид информации. – Ваша специальность – конструктор псевдо-живых организмов. Насколько хорошо вы знакомы с концепциями зарождения жизни?

– Зависит от того, о какой именно жизни идёт речь. Если мы говорим о разных версиях РНК-мира, то неплохо знакома, нам читали этот курс два семестра. Если о других, более экзотических, то не очень – исключительно в рамках вводных лекций и личного интереса. Но, подождите... – сообразив, чем, скорее всего, вызван вопрос начальницы, Полина охнула и широко раскрыла глаза. – Распорядительница Клара, вы вправду хотите назначить меня искателем?!

– Не хочу. Вы и сами знаете, насколько высокие требования предъявляются к специалистам, занимающим эту должность. И какие кары падали на головы тех распорядителей, на станциях которых искателями назначались не соответствующие требованиям личности. – Распорядительница поморщилась. – Но вы-то ещё можете справиться, а вот изучение планеты без искателя гарантирует мне огромные проблемы. Давайте так: я сейчас расскажу вам, в чём проблема, и опишу условия работы. А вы очень хорошо подумаете, трезво оцените свои возможности и согласитесь или откажетесь.

Не дожидаясь ответа, Клара провела пальцем по панели управления обстановкой. Видимо-осязаемая модель системы Аβ-28 появилась в центре кабинета, между диванчиком из переплетённых серебристо-зелёных стеблей металло-тростника и массивным столом, имитирующим грубую рельефную чешую древних крокодилов. В системе – одной из многих систем галактики Андромеда – было всего четыре больших объекта. В центре – Гримм, красный карлик массой 0,6 солнечных, и практически падающая на него в некоторых точках орбиты бешено вращающаяся рыхлая планета Рапунцель. На самой дальней границе зоны Златовласки – Белоснежка, суперземля с семью спутниками. И, на дальних окраинах, мининептун Метелица, каким-то чудом не покидающий зону притяжения Гримма. Между Белоснежкой и Метелицей, возле внешней границы пояса астероидов, светила холодным белым светом миниатюрная точка – орбитальная станция, с которой ЛОРМ изучала планетную систему Аβ-28.

– Станцию построили семь лет назад. В основном, как перевалочный пункт перед колонизацией системы Аβ-30 – там обнаружены углеродная планета с хорошими запасами графита

¹ Лига Объединённых Равноправных Миров – одно из межпланетных государств, основанных колонистами с Земли.

и алмазов и ещё парочка спутников с залежами лутеция. Как вы знаете, нынешний вектор развития Лиги предполагает тщательный поиск и сохранение жизни на всех изучаемых объектах. Винс, искатель, появился у нас три года назад, как только был готов цех сборки кораблей. – Клара накрутила на палец длинную русую прядь и тяжело вздохнула. – И когда уже учёные обойдут предел телепортационной массы? Думала, с ума сойду, пока сюда все материалы доставили. Так вот, Винс успел тщательно изучить Метелицу и все спутники Белоснежки. А неделю назад, едва приступив к исследованию Белоснежки, эти идиот подбил одного из техников устроить гонки на планетоходах. Это на не исследованной до конца планете! И, естественно, оба сорвались в углекислотный океан.

– Какой ужас! – Полина поёжилась, представив себе, что может произойти с человеком, попавшим в подобную передрагу. – У вас тут какие защитные комбинезоны используются?

– Смешанного типа. Так что идиоты выжили, ненадолго лишившись всего лишь нескольких рельефных частей тела. За пять дней обоих подлатали, но не здесь, конечно, на Сабду телепортировали. Техник легко отделался – постановили только вычестить из зарплаты стоимость планетохода. А вот Винса сразу после выздоровления разжаловали до штатного биолога-конструктора, причём разжаловал лично ответственный за колонизацию кластера Аβ. Вот и получилось, что к вашему выпуску я отправляла запрос на назначение биолога-конструктора, имея в штате искателя. А со вчерашнего дня всё наоборот, и работу надо как-то продолжать. А свободного искателя не найти – в кластере Аγ нестандартная форма жизни обнаружилась, все там, на перспективном направлении.

Клара убрала модель системы, ещё раз с ног до головы оглядела Полину, сложила руки на груди.

– Вот тебе моё предложение: поработай у меня искателем хоть годик, пока новое поколение не выпустится. Если будет получаться, то пройдёшь дополнительную подготовку и уже будешь полноправным искателем. А не захочешь – лично найду тебе хорошее назначение по специальности. Устраивает?

Полина сделала странное движение, резко поднявшись на носочки и сразу же опустившись на пятки. Затем, не выдержав, пару раз подпрыгнула от обуревающих ещё чувств. Возможность вот так, запросто, стать искателем! После того, как она побоялась поступить на этот факультет и все семь лет обучения жалела о собственной трусости! Это точно был сон, чудесный, самый лучший сон!

– Я вас не подведу! Можно отправляться?

– Нужно. Найдёшь в ангаре Уэрра, он доставит тебя на Белоснежку.

Клара хотела было дорассказать, где находятся ангары и кто такой Уэрр, но не успела – Полина вылетела из кабинета с такой скоростью, словно за ней гналась парочка чудовищ из популярных в последние месяцы ужастиков с эффектом присутствия. Распорядительница пожалала плечами и принялась за изучение списка материалов и оборудования, которые следовало встретить на следующий день возле телепортационной установки. Могла же новая искательница сначала забрести в ангары, а потом уже добраться до её кабинета?

На самом деле, Полина выяснила, где находится кабинет Клары, ещё в телепортационной установке Сабды, главной планеты Лиги, удачно разговорившись с бывалым космоврачом, тоже ждавшим отправки в кластер Аβ. И об устройстве остальной станции не имела ни малейшего понятия. Но предпочла не задавать лишних вопросов, опасаясь, что распорядительница передумает. И вообще, на изучение огромного неугомонного Нади, столицы ЛОРМ, в котором и находился Биологический Университет, ей понадобилась всего неделя. Не могли же этажи и переходы станции оказаться более людными и запутанными!

Шагая по бесконечным равнодушно-белым коридорам, изредка прорезанным такими же равнодушными белыми автоматическими дверями, Полина представляла себе как добросовестно и безупречно отработает этот год на Белоснежке. Ничего не найдёт, конечно, для пер-

спективной планеты искатель нашёлся бы. Но тут главное – репутация. Отработать, добрать курсов в родном универе и стать полноправной частью сообщества искателей. Самого незаменимого, самого важного, самого романтического профессионального сообщества. И вот тогда все заткнутся окончательно! И соседи, уверенные, что родители, довольствующиеся гарантированным содержанием граждан ЛОРМ, могут воспитать только такую же дочь. И бывший парень, ставший бывшим в тот же момент, как ехидно сказал, что такую мямлю, как Полечка, звёзды пережуют и выплюнут. И вообще – все!

Представляя, как она в одиночку находит сверхцивилизацию, да ещё и налаживает с ней контакт без помощи ксенолингвистов, Поля не всё же не забывала держаться коридоров, уходящих вниз: ни на одной известной ей станции ангары не находились сверху или сбоку.

Наконец, вприпрыжку спустившись по последней, самой длинной, лестнице, Поля оказалась в огромном пространстве, полном света и всевозможных летательных аппаратов. Кроме шустрых вытянутых человеческих кораблей, форма которых почти не менялась в разных межпланетных государствах, здесь были и массивные шары разумных змееподобных обитателей Центавры, получающие энергию благодаря жизнедеятельности огромных бактерий. В дальнем углу, отгороженный от остальных тонкой полупрозрачной завесой, стоял маленький – в человеческий рост – гибрид куба и восьмиконечной звезды. О таких межпланетных кораблях Поля даже не слышала.

– Простите, Уэрт? – На её первое, совсем тихое, обращение в пустоту никто не отреагировал. И Полина, прокашлявшись, попробовала ещё раз, уже громче. – Распорядительница Клара сказала, что мне нужно найти Уэрра!

Девушка уже решила, что ангар пуст и загадочного Уэрра придётся искать где-то на станции, когда странный корабль задвигался. Первым делом он накрутил на себя то, что Полина приняла за полупрозрачную ткань. Затем, как-то странно перебирая нижними «лучами» звезды, подошёл к лестнице.

– Ну, я Уэрт. Чего надо, человек?

Куб не шевелил ни одной своей частью, низкий рокочущий звук шёл откуда-то из него. И Поля решила пока что не задумываться, как так вышло, что она сейчас разговаривает с представителем расы, о которой не читала ни в одном учебнике.

– Распорядительница Клара сказала, что вы отвезёте меня на Белоснежку. Я новый искатель.

– А. Отсутствие гравитации переношишь?

– Наверное. – Поля сглотнула, вспоминая мерзкие ощущения невесомости. – Мы в универе всего пару раз тренировались в кораблях без искусственной гравитации. Их же почти и не осталось уже.

– Залезай.

Завеса сдвинулась, и материал куба разошёлся в стороны, открывая внутренности, очень похожие на мешанину тонких светящихся палочек и спиралей. В центре оставалось достаточно места, чтобы вместить компактно усевшегося человека размеров Полины. Девушка медленно шагнула вперёд, не уверенная, правильно ли поняла команду загадочного существа.

– Быстрее. Или вещи где-то здесь?

Внутренности существа замерцали ярче. Поля быстро покрутила головой: её телепортацию к месту работы оплачивала Лига, а вот за вещи пришлось бы платить самой. Свободной суммы, равной стоимости месячного проживания в столице у девушки не было. На её счастье, всем необходимым, включая одежду и гигиенические принадлежности, работников колонизаторских станций обычно обеспечивали на месте.

– Тогда лезь, давай. Или повредить боишься? – Куб издал несколько скрежещущих звуков, видимо, обозначающих веселье. – Не бойся, меня не каждый астероид возьмёт. Лезь уже, по дороге расскажу, что я такое.

Поля так и не поняла, что она чувствует, забираясь внутрь другого разумного существа. Но очень надеялась, что следующие полёты на Белоснежку будут происходить в более привычных кораблях.

Внутри Уэрра было темно и практически бесчувственно: Поля ощущала своё тело как-то странно, словно все проприоцепторы принялись передавать сигнал в несколько раз медленнее, чем обычно. Свечение, в какой-то момент ставшее почти равномерно синим, только ухудшало ситуацию – Полине казалось, что она медленно растворяется в утробе этого странного существа.

– Я представитель неуглеродной расы, каким-то образом умудрившейся развиваться в космическом пространстве. Ну, это меня так Клара называет.

Здесь, внутри, голос Уэрра звучал глухо, словно в бочке. Поля ненадолго задумалась, как он вообще разговаривает, но решительно выкинула глупую мысль из головы. В свете только что сказанного инопланетянином, начинать следовало с вопроса «как он вообще существует?».

– А вы себя как называете?

– Уэрром. Это не моё личное имя, это общее имя для таких, как я. Мы живём в ... дай вспомню, как вы это называете. А, в кластере Аγ, в огромных вечно движущихся ледяных камнях. Кажется, ваши говорили, что там целую планетную систему чем-то в клочья разнесло. А здесь нахожусь потому, что жду встречи с каким-то самым главным человеком, вы его называете «ответственный Роман». Ну и Кларе чуть-чуть помогаю.

– Он не главный. Он хорошо умеет налаживать взаимодействие между другими разумными существами, работа у него такая. – Поля уже хотела было подробно объяснить Уэрру, как устроено общество Лиги, но вовремя сообразила, что это всё ему уже рассказывали, даже не один раз. Но, быть может, Уэрру просто проще думать, что человеческое общество устроено так же, как и общество разумных космических камней. И задала вопрос, который мучил её с того самого момента, как Уэрр рассказал о своей расе. – Слушай, а как же вы смогли эволюционировать в открытом космосе?

Уэрр снова издал несколько скрежещущих звуков. Здесь, внутри него, они стали ещё и пугающими – сейчас Поля ну очень сильно надеялась, что это действительно смех, а не злость, например.

– Человек, ты вправду думаешь, что я это знаю? Вот закончат твои сородичи исследование и расскажут. Пока что только приделали к некоторым из нас передатчики-переводчики, чтобы хоть поговорить можно было.

Дальше летели молча. Поля судорожно перебирала все свои невеликие знания о возможностях появления неорганической жизни, Уэрр привычно наслаждался гравитационными волнами и собственным мастерским перемещением по ним.

То, что движение прекратилось, Поля поняла по свечению, снова ставшему разноцветным, да по вернувшемуся правильному ощущению собственного тела.

– Прибыли. Вылезай быстро, тут слишком тепло для меня.

Бок Уэрра снова раздвинулся и Поля быстро, намного быстрее, чем заходила внутрь, вылезла наружу. К счастью, странное создание приземлилось не в какой-то неисследованной части планеты: над головой девушки еле заметно поблескивал серебристый защитный купол, справа виднелось полукруглое тёмное здание, соединённое с куполом широким приземистым коридором.

Понимая, что купол не выпустит Уэрра до тех пор, пока внутри находится хотя бы один человек, Поля кинулась со всех ног к шлюзу, ведущему в коридор. Только и успела, что помахать инопланетянину рукой, надеясь, что он уже познакомился с этим жестом.

База оказалась маленькой и какой-то заброшенной: всего семь личных отсеков, в шести из которых почему-то царил тот специфический дух, который воцаряется в нежилых помеще-

ниях, на какой бы планете они не находились. Полина только отметила, что в одном из помещений кровать застелена менее тщательно, чем в остальных. Возможно, это означало, что у комнаты есть хозяин. Или что местный киборг-уборщик именно здесь поймал какой-то глюк, что частенько происходило даже с лучшими их моделями. Что творилось в седьмом – выяснить не удалось: дверь была заперта на электронный замок, и никто не отзывался ни на стук, ни на звонки.

Сразу за жилыми отсеками начинались лаборатории. Эта база была построена с единственной целью – убедиться, что промышленность ЛОРМ не повредит никакой зарождающейся жизни, если начнёт на планете хозяйственную деятельность. Под стать задаче были и лаборатории: при желании в них можно было бы вырастить великана любой формы и геномного состава или препарировать сложное существо размером с мельчайший вирус. А вот тщательно исследовать, например, камень было бы уже затруднительно.

Здесь дух запустения чувствовался не так сильно. В клеточных ячейках активно люминесцировала какая-то культура, пущенная в рост семь стандартных суток назад, если верить строке состояния на боку ячейки. На одном из больших боковых экранов ИскИн методично воспроизводил известные структурные формулы предковых мембран организмов Прародительницы. Дата запроса совпадала с датой начала выращивания культуры. Полина предположила, что незнакомый ей Винс разрабатывает какой-то новый вариант органического освещения.

В третьей по счёту лаборатории девушка почувствовала себя персонажем одной из старинных сказок Прародительницы – дорожка из мелких тёмных крошек огибала один из крайних столов и уходила в следующее помещение, дверь в которое была неплотно прикрыта.

Судя по уже пройденным комнатам, это могла быть или столовая или склад. Ни то, ни то не предусматривало для находящихся внутри разумных возможности уединиться, так что Полина решительно распахнула дверь. За ней действительно оказалась столовая: три круглых столика со встроенными стульями, соединённые между собой большие оранжевые кубы – синтезаторы питательных веществ и неожиданные ярко-голубые жалюзи на стенах. И, самое главное, хлопчущий у одного из кубов высокий мужчина, одетый в рельефно-клетчатую красную куртку и простые тёмные брюки. Полина вздохнула: такую, не форменную, одежду на станции точно не выдали бы – значит, он сам оплачивал её перемещение сквозь телепортационную установку. Не важно, был этот таинственный незнакомец одним из техников или тем самым Винсом – если он, работая здесь, мог позволить себе такую глупую и, в сущности, бесполезную прихоть, то ей очень сильно повезло с назначением.

– Здравствуйте! Меня зовут Полина, и я... – мужчина резко обернулся, взмахнув собранными в низкий хвост длинными тёмными волосами. И Полина с ужасом увидела высокий лоб, миндалевидные тёмные глаза, ровный прямой нос, тонкие губы... Лицо сотрудника станции в точности повторяло лицо совсем другого человека, оставшегося на Сабде в должности секретаря образовательной комиссии ЛОРМ. Её бывшего парня, так до конца и не забытого и не прощённого.

– Винс. Бывший искатель, ныне биолог-конструктор. А ты, надо понимать, нынешняя искательница, бывший биолог-конструктор?

Мужчина стоял спокойно, даже расслабленно, засунув руку в карман штанов. Но что-то в его голосе было такое, что Полина моментально поняла: нормальных рабочих отношений не будет. Винс ненавидит её просто за то, что она так вовремя появилась на станции. За то, что она займёт его место, не имея даже формального права на это. И, наверное, за то, что согласился участвовать в той злополучной гонке, Винс сейчас тоже ненавидит её, Полину.

– Ну что ж, будем знакомы. Техники сейчас в отъезде – оборудуют временную базу в южном полушарии Белоснежки. По программе мы должны будем переместиться туда через восемь местных суток. Мои лаборатории – первая и вторая, ты можешь расположиться в тре-

твѣй. Там, конечно, оборудования поменьше, но тебе сойдѣт. Склад там. – Винс небрежно махнул рукой в сторону тѣмной двери, спрятанной за синтезаторами. – Я завтракаю с восьми до десяти утра по местному времени, и, заруби себе на носу, я предпочитаю завтракать в одиночестве. Но ты, так и быть, сможешь быстренько забежать, накидать себе еды, если пообещаешь сразу свалить куда-нибудь подальше.

Винс нагло ухмыльнулся, и внутри Полины всё съежилось: каким-то злосчастным образом даже улыбался этот человек так же, как и Ларио. К счастью, малая часть разума ещё работала и подсказывала своей хозяйке, что проявить характер можно или сейчас, или никогда.

– Согласно уставу, действующему для миссий ЛОРМ, единственной целью которых является изучение планеты на предмет нахождения на ней жизни, командиром такой миссии всегда является искатель. Согласно этому же уставу, решающее слово в распределении кабинетов, лабораторий и оборудования всегда остаѣтся за командиром. Ты можешь оставить за собой вторую и третью лаборатории – я расположусь в первой. Насколько я успела увидеть, для нужд искателя приспособлена именно первая лаборатория, а для нужд биолога-конструктора – вторая. В третьей, так и быть, можешь оплакивать потерю первой. – Полина очень надеялась, что ни голос, ни руки не дрожат и не выдают того, как ей на самом деле страшно. – Пункты устава, касающиеся регламента употребления пищи, цитировать не буду, сам освежишь в памяти.

– И что же ты мне сделаешь, если я тебя не послушаюсь, а, простейшее?

Разозлѣнный Винс подошел вплотную к Поле. Теперь их разница в росте казалась колоссальной – девушка с трудом доставала макушкой до груди бывшего искателя.

– Я – ничего. Как и положено по уставу, я просто сообщу распорядительнице этого кластера о выявленных нарушениях. Она и определит меру наказания.

Винс промолчал. Только смерил девушку презрительным взглядом и, практически задев её плечом, медленно вышел из столовой. И преувеличенно аккуратно закрыл за собой дверь.

Весь вечер Полина обустривалась: нашла в системе обслуживания базы ничейную комнату, перенесла туда со склада рабочую и защитную одежду, гигиенические принадлежности и индивидуальный спальный комплект. Обычно всё это делали киборги-уборщики, но после знакомства с Винсом девушке было просто необходимо заняться чем-то бессмысленным, простым и успокаивающим.

Последним, что она сделала в тот вечер, было торжественное усаживание на открытую полку шкафа маленького кло-кло² из искусственного меха.

Заснуть удалось не сразу. Полина и не подозревала, что осознание того, что вернуться домой и увидеть родителей и пару подруг она сможет в лучшем случае через пару лет, может так сильно и больно отдаваться в груди. И только уверенность в том, что на завтраке ни в кое случае нельзя показаться не выспавшейся и заплаканной, заставила её сделать несколько дыхательных упражнений, успокоиться и провалиться в липкий и неприятный сон.

На завтрак она явилась ровно в девять утра: тщательно причѣсанная, слегка накрашенная, в новом комбинезоне и пурпурной куртке – готовая к новому витку противостояния. Но Винса в столовой не было. Следов его пребывания в ней не было тоже, и Полина малодушно понадеялась, что неприятный тип не захотел продолжать конфликт и позавтракал с утра пораньше, просто киборг уже всё убрал.

Надежды оказались тщетными – Винс всё-таки появился в столовой. К его приходу Поля уже доела порцию синтезированной обогащенной злаковой каши, совсем немного уступающей по вкусу привычным натуральным злакам Сабды, и даже сделала пару глотков шипучего тонизирующего напитка.

² Аборигенное животное планеты Сабда. Похоже на земного муравья, но имеет вокруг хитинового панциря сохраняющую тепло оболочку, похожую на шерсть земных животных. В среднем дорастают до колена взрослому человеку, умны и дружелюбны, распространены в качестве домашних животных.

Сначала Полине показалось, что бывший искатель решил её игнорировать. Во всяком случае, ни дожидаясь завтрака, ни относя его к столу, он не только ничего не сказал – даже не взглянул в сторону новой коллеги. Но, стоило ей закончить завтрак и подойти к дверям столовой, как Винс насмешливо и нарочито медленно проговорил:

– Иду я, значит, на завтрак, и вижу, как киборг-уборщик заходит в свободную комнату по левой стороне коридора. А они всегда так широко раскрывают двери, и не захочешь – заглянешь. Не знал, что сейчас всё так плохо с кадрами, что искателями назначают инфантилок, неспособных заснуть без любимой игрушечки под боком. Ты хоть спала-то, простейшее? Или всю ночь плакала, сучая по мамочке, папочке и хорошему мальчику, с которым можно ходить за ручку и кушать сладости в парках?

Полина замерла, вцепившись в стремительно теплеющую под её пальцами ручку. И очень чётко проговорила:

– Лучше уж спать с игрушечным кло-кло, чем гонять по неизведанной планете, рискуя должностью, статусом и дорогостоящей техникой. По крайней мере, те, кто спит с кло-кло, иногда занимают места тех, кто этого не делает.

Конечно, стоило бы повернуться и высказать всё прямо в глаза Винсу. Но всего самообладания Полины и так еле хватило на то, чтобы спокойно выйти, не расплакавшись и не кинувшись бежать. Заставить себя ещё и взглянуть в лицо Винса-Ларио она не смогла бы даже под угрозой немедленной казни.

Закрывшись в первой лаборатории, Полина позволила себе пять минут поплакать. Затем тщательно вытерла лицо одноразовыми салфетками, обычно применяющимися для быстрого удаления с кожи солей и слабых кислот, и принялась за работу.

Первым делом она полезла в отчёты об исследованиях Метелицы и нумерованных спутников Белоснежки, неофициально (и потому постоянно) называемых Гномами. В материалах с Метелицы всё было предсказуемо: сплошной океан разогретого водного аммиака и алмазные кристаллы, осаждающиеся на ядро так редко, что их добыча могла бы быть обоснована только в случае одновременного исчезновения алмазов на всех доступных ЛОРМ планетах. Делая вывод о возможности существования какой-либо жизни на Метелице, Винс иронично написал, что эта планета столь обыденна и не интересна, что ею побрезговал бы даже неудачливый планетный воришка, существуй такие на самом деле.

Большинство Гномов оказались безжизненными космическими телами разного происхождения и с небольшими расхождениями в составе. На них Винс даже не стал тратить своё остроумие, скупно отметив, что жизнь не обнаружена и не обнаружится.

А вот отчёт о Метелице, начатый семь дней назад – утром того дня, когда Винс запустил рост клеточных культур, заинтересовался предковыми мембранами и организовал гонку на планетоходах, оказался другим. Другим настолько, что, дочитав лишь до середины, Полина пулей вылетела из лаборатории, на ходу отправляя складскому киборгу приказ подготовить планетоход, способный погружаться в местный океан не менее чем на пятьсот метров.

Белоснежка отличалась от далёкой Прародительницы, к существованию на которой было столь хорошо приспособлено расселившееся по двум галактикам человечество, куда меньше, чем та же Метелица или Рапунцель. Для того чтобы выйти за пределы защитного купола, Полине хватило бы жизнь-жилетки, содержащей запас необходимых веществ и систему, доставляющую их прямым ходом в кровь сквозь встроенный в ключицу разъём. Но, опасаясь, что придётся нырять, Поля всё-таки натянула поверх формы защитный комбинезон, при необходимости трансформирующийся в устойчивую к органическим растворителям герметичную капсулу.

Планетоход – приплюснутый синий овал, парящий в полуметре над поверхностью, уже ждал Полину у края защитного купола. Это была новая и очень хорошая модель, доступная пока что только исследовательским миссиям: улучшенная технология левитационной

подушки, увеличенная скорость, кресло, моментально подстраивающееся под антропометрические параметры пилота. Но Полина, в обычное время не сводящая глаз со всевозможных технических новинок, сейчас едва ли обратила внимание новшества планетохода. Более того, она, ни единого раза не упустившая возможности порулить планетоходом на полевых занятиях в университете, просто задала автопилоту координаты ближайшей высокой точки срединно-океанического хребта. И, едва планетоход начал движение, прикрыла глаза, откинувшись на спинку кресла. Снаружи бесплодные серо-жёлтые равнины сменялись серыми скалами с бело-розовыми длинными прожилками, а скалы – мелкими озёрами, сквозь прозрачную жидкость которых можно было видеть неровное, чаще всего каменистое, дно. Наконец планетоход достиг побережья – длинной красно-голубой полосы, с одной стороны ограниченной причудливыми расколотыми скалами, с другой – тянущейся до горизонта практически ровной линией.

Следуя проложенному курсу, планетоход плавно погрузился в жидкую углекислоту и поплыл, оставив за собой лишь рябь потревоженной жидкости.

Хребет, в верхней своей части представляющий хаотическое нагромождение разного размера и цвета каменных обломков, показался под брюхом планетохода внезапно, словно вынырнул из тёмной, пока ещё безжизненной бездны. Поля оживилась, подвела планетоход так близко к камням, как могла, и медленно-медленно двинулась вперёд. Она искала одно конкретное место: достаточно глубокую «чашу», выщербленную в пористом камне и находящуюся как можно ближе к центральному разлому хребта. Впрочем, «чаша», находящаяся на склоне хребта, тоже могла бы подойти для изучения. Но только в качестве запасного варианта.

Искать пришлось долго. Поля, до рези в глазах всматривающаяся в каменные завалы, уже почти сдалась и чуть не скомандовала планетоходу вернуться назад, к трём подходящим углублениям почти у подножия хребта. Но решила пройти ещё один, последний, километр. И не ошиблась.

Прекрасный пористый каменный блок с обточенными временем и углекислотой краями и глубокой «чашей» сверху обнаружился примерно в середине последнего километра, практически висящим над центральным разломом. Даже через камеры планетохода было заметно, что содержимое «чаши» немного отличается по цвету и консистенции от окружающей жидкости.

Дело оставалось за малым: доставить образцы на базу целыми и невредимыми. Чуть подумав, Полина выпилила манипуляторами небольшой кусок такого же камня и сделала в нём углубление. Затем аккуратно наполнила его несколькими миллилитрами драгоценной жидкости и установила в подогреваемом контейнере с набранной здесь же углекислотой.

И только тогда позволила себе обрадоваться. Конечно, полученные образцы ещё нужно было тщательно исследовать самыми чувствительными приборами, провести весь обязательный набор реакций и тщательно задокументировать полученные результаты. Но почему-то Полина была уверена: здесь, в этой «чаше», она нашла именно то, к чему стремилась.

На базу она вернулась поздним вечером, когда все семь спутников Белоснежки уже были видны в разных частях ночного неба. Спать не хотелось – хотелось закрыться в лаборатории, отправить драгоценный контейнер в увеличительную установку и нарезать круги вокруг, пока электроника будет формировать увеличенное изображение.

Но Поля позволила себе только самолично установить образец в бих-установку, в точности воспроизводящую заданные условия окружающей среды. И отправилась спать, закрыв двери лаборатории собственным уникальным цифро-схематическим кодом.

Она вскочила на рассвете. И, решив, что позавтракать можно и позже, бросилась в лабораторию, только-только освежившись после ночного сна. Образец ждал её в установке, ничуть не изменившись со вчерашнего вечера: всё такой же пористый и многоугольный, с выемкой, заполненной мутноватым содержимым. Полина настроила увеличительную установку и затаила дыхание, ожидая результата.

Первыми на экране появились прячущиеся в порах минерала большие органические молекулы, свёрнутые в самые разные фигуры. Вход в «домик» некоторых из них перекрывали тончайшие плёнки из неизвестных Поле соединений – скорее всего, предковые мембраны. Это было неплохо, но недостаточно, на этой стадии предшественники живого были ещё слишком слабы и уязвимы, чтобы их можно было считать жизнью. Но девушка ждала другого – того, на что намекала запись о том, что местные предковые мембраны несовершенны настолько, что самопроизвольно перфорируются точно по центру, зачастую не прожив и одного дня. Винс почему-то сразу не написал в отчёте о другой возможности, о том, что в изучаемой пробе могло оказаться нечто хищное, голодное и достаточно сообразительное, чтобы найти способ повредить мембраны и добывать вкусные органические молекулы. Хотя запросы к ИскИну первой лаборатории и растущая клеточная культура, мембраны которой, как теперь видела Поля, были очень похожи на улучшенную версию местных, однозначно указывали на то, что хамоватый искатель пришёл к тем же вывода, что и она.

Размышляя о том, почему Винс вместо поиска конкретного организма и сообщения о нахождении жизни попытался повторить местную эволюцию, Поля не сводила глаз с экрана – ждала появления хищника. И дождалась. Скрученная в плотную пружину цепь пузырьков, поверхность которых выглядела так же, как и «несовершенные» мембраны, еле шевелясь, подплыла к одной из пор. Перестроилась, превратившись в подобие древнего выпуклого щита с шипом в центре. И прижалась к мембране, перекрывающей доступ к еде. Полина так и не поняла, как созданию это удалось, но спустя всего несколько секунд оно целиком втянулось в пору. Оставив в центре плёнки аккуратное круглое отверстие.

Полина отметила пузырчатый организм и скомандовала ИскИну фиксировать всю его активность. Подумав, уточнила: следить за всей активностью, в которой участвуют организмы, состоящие из нескольких разных пузырьков. Чтобы победный отчёт можно было представить Кларе, в нём должно быть хотя бы десять эпизодов активности протоорганизма Белоснежки.

Впрочем, до отправки отчёта следовало сделать ещё одну вещь. Куда более сложную, чем поиск зарождающейся жизни.

Жилой отсек, в котором располагался Винс, оказался самым дальним от её собственного. На минуту Полине даже захотелось выяснить, не переехал ли бывший искатель после её появления на базе.

Постучав в дверь добрых десять раз и так и не дождавшись ответа, Поля решительно распахнула дверь – системы базы были уверены в том, что Винс находится на месте. Так и оказалось: биолог одетым валялся на кровати и, судя по блаженному выражению на лице, путешествовал в каких-то очень отдалённых мирах, транслируемых ему прямо в мозг.

Поняв, что он больше не один в комнате, Винс резко встал, и его лицо приобрело крайне брезгливое выражение. Примерно так же человек смотрел бы на домашнего питомца, внезапно опорожнившего желудок в центре столовой.

– Чего тебе, простейшее?

Поля смотрела на презрительно скорчившегося мужчину и чувствовала, как в душе тает любое желание поступить по совести.

– Через два дня я отправлю распорядительнице запрос на пополнение лабораторных расходников. К послезавтрашнему вечеру жду от тебя список необходимого для второй лаборатории.

– Сама считаешь.

Винс снова завалился на кровать и погрузился в эрзац-реальность.

Поля вышла из его комнаты, не потрудившись закрыть за собой дверь. Этот идиот сам решил свою судьбу.

ИскИн собрал достаточно эпизодов появления существ, состоящих из нескольких мембранных пузырьков, уже к следующему вечеру. Просматривая записи их перемещений, нападе-

ний на притаившуюся в порах органику и – о, чудо! – одной драки за особо крупную молекулу, Поля была абсолютно счастлива. Её новая прекрасная жизнь наступит ровно в тот момент, когда она сведёт все эти данные воедино, изложит их в отчёте и отправит Кларе. Потому что истории о том, как биолог-смежник, не являющийся полноправным искателем, находит жизнь на бесперспективной планете, в универе всегда рассказывались исключительно с придыханием. Потому, что её немедленно вернут на родную планету – добирать не хватающих курсов и присваивать официальный статус искателя. И потому, что дообучение, это ещё два-три года, за которые можно будет лучше подготовиться к отчаянному чувству одиночества, оказывается, находящему на неё на дальних планетах в незнакомых комнатах и кроватях.

Полина планировала написать отчёт с утра, на свежую голову. Но вместо этого, освежившись и позавтракав, запросила у ИскИна данные на Винса. В глубине души она надеялась найти что-то, что окончательно отвернёт её от мужчины или заставит пожалеть его. Но нет. Своим мерзким характером биолог не был обязан ни какой-то хранящейся в прошлом тайне, ни какой-то страшной катастрофе, унёсшей жизни близких ему людей. Он с отличием окончил Биологический Университет ЛОРМ шесть лет назад, неплохо работал в кластерах А α и А δ , затем был назначен сюда, в систему А β -28. И именно здесь, находясь в полушаге от официального признания открытия, умудрился нагло набезобразничать, лишив себя возможности сделать оставшуюся половину шага.

Тяжело вздохнув, Полина открыла файлы с записями Винса о начальных исследованиях Белоснежки. На случай возможной проверки следовало подстраховаться и безвозвратно удалить оттуда все упоминания о нестабильных мембранах. И, на всякий случай, всю историю связанных с ними обращений к ИскИну. Разумеется, сделанных до её появления на базе. И не забыть уничтожить клеточную культуру и всё с ней связанное – для хорошо подкованного в предмете проверяющего, её существование вполне могло оказаться существенным доказательством того, что открытие было сделано задолго до появления Поли на базе.

Она отметила все подлежащие удалению участки, включая данные о последних двадцати минутах работы ИскИна, и уже занесла палец, чтобы подтвердить операцию. Но вдруг, выругавшись сквозь зубы, сняла все метки. Открыла новый файл. И быстро, не давая себе передумать, принялась вводить начало нового отчёта: « Настоящим уведомляю вас о том, что биологом-конструктором Винсом, ещё во время его работы в должности искателя, было начато исследование, приведшее к открытию перспективной зарождающейся жизни в системе А β -28 на планете Белоснежка...»